

Естественно приходит мысль о литературной критике. Иногда мне кажется, что критик в западном мире почти полностью потерял возможность и способность выразить свою личность, то есть свои субъективные взгляды на литературный объект. Быть может, он уже находится на том уровне не-свободы, на котором был его коллега эпохи соцреализма, вынужденный всегда давать «объективную», то есть партийную, оценку литературной штуки. С очень небольшим исключением литературная критика в Америке становится как бы продолжением все того же «агрессивного маркетинга». Публику больше заботит не содержание рецензии, а место ее расположения в еженедельнике. Однажды я целый день принимал поздравления по поводу того, что рецензия на мою книгу была напечатана в левом верхнем углу одной из страниц...

Поражает почти полное отсутствие литературных полемик, столкновений между различными эстетическими направлениями. Полноте, о каких это направлениях я говорю? Их больше не существует. Странное, обескураживающее состояние ожирения и застоя. Не думаю, что американскому критику нечего сказать от первого лица, однако вся наша еженедельная практика показывает, что это «первое лицо» задавлено почти окончательно. Мы уже не ждем от критики художественной литературы ни откровений, ни скандалов.

При всех этих обстоятельствах не удивительно, что молодое поколение писателей демонстрирует такие скромные признаки жизни.

Это совсем не значит, что в США иссякли таланты. Я работаю со студентами в рамках одной из бесчисленных американских программ «творческого письма» и каждый год обнаруживаю несколько дерзких первьев, способных бросить вызов современной литературе. Вступая, однако, на профессиональную дорогу, молодые писатели входят в мир колossalного провинциализма, жестких классификаций, в довольно тошнотворный мир «книжного производства». Литературные агентства при всех их донкихотских намерениях указывают молодому писателю быстрейший путь к полной коррупции. Забудь о своих эгоцентрических амбициях, привыкай к серьезному миру больших башней. Какого черта ты мечтаешь побить Фолкнера, его больше нет на сцене, побей Стива Кинга! Какие еще пощечины общественному вкусу, когда твоя главная задача — угадать вкус потребителя и подставить ему свою щеку! Забудь о Плеядах, присоединяйся к гильдии.

Существует, к примеру, некий вполне сердняковский писатель, которому когда-то повезло, как американцы говорят, оказаться «в верное время в верном месте». В этих местах, не столь отдаленных, он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтиков расторопностью укрепляет и распространяет свой миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других верных мест и времен, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, что они являются членами, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романика.

Сtereotip гениальности живуч в обществе, где редко кто, взявшийся за чтение

КРЫЛАТОЕ ВЫМИРАЮЩЕЕ

В ПРОЧЕМ, Плеяды. Они все-таки есть. Есть увенчанные наградами общества «мудрецы и поэты», горсточка «высокобровых» периодических изданий, авторы, претендующие на продолжение великой традиции. Есть университетские издательства, не очень пекущиеся об «агрессивном маркетинге». Есть остатки литературной богемы в Нью-Йорке. Есть, наконец.. ну, конечно, есть же, не заглохи же все родники в этом мире, восхликом мы с деревенским пафосом, есть все-таки въе, по всей вероятности, не могут же все вдруг в однажды пропасть, имеются еще некие одиночки, независимые умы, свободные души, способные к отрыву от земли, то есть к вдохновению.. Короче говоря, есть же все-таки альтернативный мир в обществе потребления, если уж он был даже в обществе истребления.

Да, он есть, скажу я, однако, взявшийся уже за излияние желчи, не остановлюсь добавить, что и в нем, в этом мире предположительной альтернативы, мы то и дело сталкиваемся с примерами извращения личности во имя групповых, клановых, идеологических или творческих интересов.

Любопытно, что там, где мы иной раз предполагаем найти сильную и неповторимую творческую личность, мы на самом деле сталкиваемся с выражением настроений и вкусов группы тесно сомкнувшихся личностей, то есть коллектива. Такая группа вполне успешно, или в высшей степени успешно, может заниматься, скажем, мифотворчеством, чтобы не сказать — надувательством почтеннейшей публики.

Существует, к примеру, некий вполне сердняковский писатель, которому когда-то повезло, как американцы говорят, оказаться «в верное время в верном месте». В этих местах, не столь отдаленных, он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтиков расторопностью укрепляет и распространяет свой миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других верных мест и времен, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, что они являются членами, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романика.

Нам, старым «русским мальчикам» с нашими так любовно взлелеянными в зоне анархическими рефлексами, трудно поддаваться на все эти притяжки,

ведь мы склонны не верить даже телевизионным рекламам Макдоналда.

ГАРМОНИИ, очевидно, не будет никогда. Личность всегда будет расшибать нос в логических тупиках и с визгом бросаться за примочкой в аптеку, где и все общество стоит за примочками к носу. Абзацем выше, желая сказать «я», я произнес «мы». Кто-то из «них», то ли Маркс, то ли Ленин, сказал, что человек — это «общественное животное». Но мы не животные, сукин сыны! Мы осчастливлены или обесчещены даром творчества. Пережив развал одного коллективного сознания, мы, битые шкуры.. простите, я опять ищу свою мафию.. итак, я, битая шкура, с подозрением взираю на рост нового коллективного сознания. Губительно оно или полезительно? Можно ли его предотвратить и нужно ли предотвращать? Возможен ли такой парадокс, как общество индивидуальностей?

Плохие диагности, мы прежде всего не можем определить подлинное происхождение своей сути, своего ядра, не можем угадать пропорций ангельского и демонического. Столь же поверхности мы и как терапевты, ибо нам непосильна даже такая задача, как соотношение личности и общества, а ведь мы догадываемся, что это всего лишь один небольшой тупик из множества других, еще более мучительных. И только лишь условившись дать себе поблажку, мы можем сказать несколько более или менее определенных вещей.

Коллективное сознание может быть благотворным для большого бизнеса, политического (коммунизм) или коммерческого (книжная торговля), однако оно губительно для малого бизнеса, которое называется «творчеством». В этом скромном и уединенном деле человеку, кем бы он ни был, поэтом или владельцем бакалейной лавки, приходится апеллировать к своей сути, жаждать экстремальной индивидуалистической акции, именуемой вдохновением, взрыва личной свободы.

Трехдневная аагустовская духовная революция в России была не чем иным, как чудом массового индивидуализма, ибо каждый из многомиллионных масс в эти дни должен был принять свое личное решение, юноша ли с трехцветным флагом на баррикадах, танкист ли внутри своего бронированного чудовища, пенсионер ли в толпе, прикрывавшей собой российский парламент, то есть противостоящий почти неминуемо-

му избиению. И вот произошло немыслимое соединение единоличных творческих актов в общий творческий акт, опьянение свободой.

Подобные чудеса, однако, — это исключительная историческая редкость, а в обычном поступательном движении современной суперцивилизации все чаще возникает вопрос: нужна ли кому-нибудь твоя или чья-нибудь еще творческая суть?

В суперцивилизованном, компьютеризированном, почти полностью уже классифицированном и калькулированном мире возникает новый плебс, одержимый самоудовлетворением и дешевым гедонизмом. При внешнем многообразии этот плебс, как мы видим, уже довольно хорошо организован в потребительские массы. У кошек здесь убирают когти с передних лап, собак лишают земных радостей, пегасов, похоже, осторожно обескрылывают. Еще щеголяя оперением, они уже не могут летать. Сможет ли когда-нибудь этот новый плебс загореться массовым индивидуалистическим вдохновением? Не в последнюю очередь это зависит от приступов в мире упомянутого выше «малого писателя».

В заключение позвольте мне рассказать притчу об одном советском христианине. Будучи мальчиком в сталинские годы, он носил нательный крест. Поход в коммунальную баню или на медосмотр в военкомате всегда были для него большим испытанием. Все потешались над ним: смотрите, у мальчика крестик на шее, вот умора, богомолка какая! Некоторые кричали: а ну, сними немедленно, а то из школы выплетиши! Он не снимал.

Являя собой, таким образом, пример чистейшего индивидуализма в атеистическом тоталитарном обществе, он продолжал носить на шее символ Распятия. Вероятно, он не мог, хоть убей, рассстаться с этим маленьким предметом отверженности и гонений.

Прошло несколько десятков лет, и однажды он оказался на модном пляже в Ялте. Там все носили крестики на шее: полупреступные новобогачи и их телохранители — «качки», рэкетиры и картежники, бывшие коммунисты и гэбэшники, разбухшие от довольства дамы и стройные проститутки-топлисы.. И вот наш христианин неожиданно приобщился к ним, потому что на нем был все тот же его старый крестик, превратившийся в атрибут моды. Что же мне делать, подумал он, ведь не снимать же мне мой крест из-за того, что они теперь все с крестами! И он его не снял, что дает каждому возможность сделать любые выводы, даже во фрейдистском вкусе.